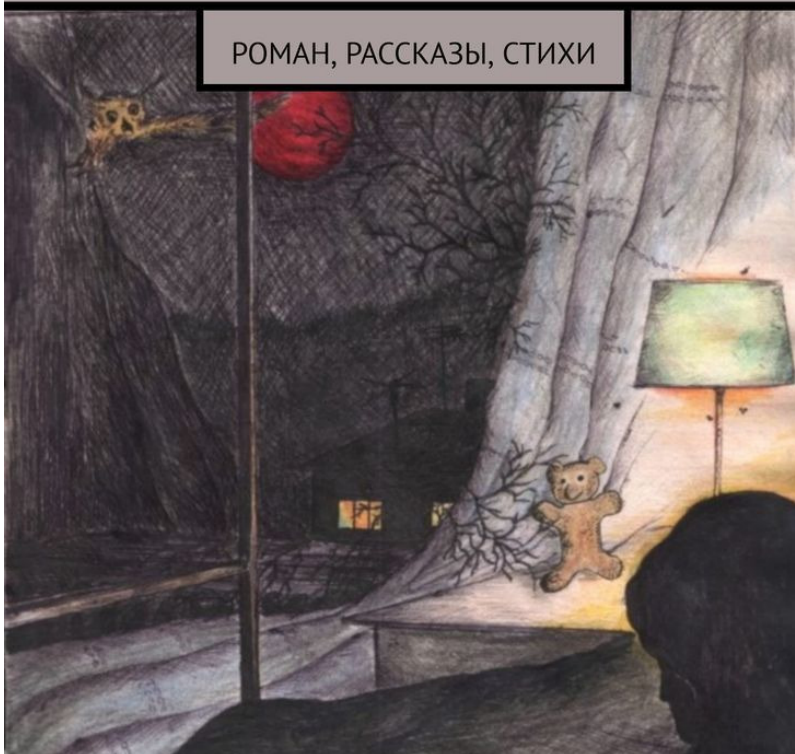

18+

АНДРЕЙ ПШЕНИЧНИКОВ

Притяжение Красной планеты

РОМАН, РАССКАЗЫ, СТИХИ

Андрей Пшеничников
Притяжение Красной планеты.
Роман, рассказы, стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22073771
ISBN 9785448342424

Аннотация

Эта книга состоит из одного автобиографического романа, который называется «Философское лето», девяти рассказов, в основном, полуфантастического содержания, и около четырёх десятков стихотворений. Она будет интересна прежде всего тем, кто ищет ответы на самые главные вопросы человеческого сознания о жизни и смерти, тем, кто хочет обрести душевный покой, научиться мужеству. Рассказы, опубликованные в этой книге, публиковались также в сборнике «Прогулки со смертью».

Содержание

От автора	5
Роман	9
Философское лето	9
1	10
2	17
3	24
4	31
5	38
6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Притяжение Красной планеты Роман, рассказы, стихи

Андрей Пшеничников

Иллюстратор Андрей Пшеничников

© Андрей Пшеничников, 2021

© Андрей Пшеничников, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-4483-4242-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Эта книга состоит из одного автобиографического романа, который называется «Философское лето», девяти рассказов, в основном, полуфантастического содержания, и около четырёх десятков стихотворений.

Раньше всего, ещё в старших классах школы, я начал писать стихи. Всего я написал около ста стихотворений. Впрочем, написал – это не совсем подходящее слово. Я никогда не мог написать стихотворение по задумке, я не сидел и ничего не сочинял – стихи сами приходили ко мне в голову, мне оставалось лишь их записать. Потом я, конечно, работал над своими стихами, что называется, шлифовал их, но это не меняет сути дела. Получается, что я не писал стихи, а записывал их. Из ста стихотворений, которые я написал-записал, может быть, только штук сорок имели вполне приличный вид, и их не стыдно было предложить на суд читателей. В свою очередь, из этих сорока стихотворений только 2—3 действительно чего-то стоили – так критично я оцениваю свою поэзию.

Основная масса моих стихотворений была написана в период с 1992 года по 1994 год. Это одиннадцатый класс и первые три курса исторического факультета Оренбургского пед-

института, куда я поступил после окончания школы. В это время я писал по два десятка стихотворений в год. Потом мой поэтический дар пошёл на убыль. В год я стал писать по 2—3 стихотворения. Успел закончить пединститут в 1997 году, три с половиной года отработать учителем истории в Курманаевской средней школе, в которой когда-то сам учился, потом ещё два года проработать корреспондентом в местной районной газете «Знамя труда» и, наконец, оказаться безработным. В 2004 году я написал своё последнее стихотворение, которое так и назвал «И последнее», хотя тогда ещё не знал, что оно будет последним. После этого больше ко мне стихи не приходили.

Что мне не особо нравится в моих стихах сейчас, по прошествии уже многих лет после того, как я их написал, так это то, что в них слишком много грусти, я бы даже сказал, умирания. Сейчас подобное нытьё я уже не считаю верхом проявления житейской мудрости. Сейчас для меня идеалом являются мужество и сдержанность. Впрочем, в печали тоже есть своя правда.

Рассказы я начал писать позже стихов. Первый мой рассказ, который называется «История Голубой планеты» датируется 1996 годом – это четвёртый или пятый курс пединститута. Однако большинство своих рассказов я написал, как раз, в период безработицы 2003—2006 годов. Не то что я хо-

тел заработать деньги своими рассказами, — я тогда об этом даже и не думал, нет, просто я целыми днями сидел дома и мне было очень скучно. Так что можно сказать, что я написал рассказы от скуки. Но, наверно, это не совсем так. Сейчас, например, я тоже целыми днями сижу дома и мне также скучно, но ни одного рассказа я написать больше не могу. То есть с моими рассказами приключилась примерно такая же история, что и со стихами. Видно, рассказы ко мне тогда тоже просто приходили, и я их просто записывал. Интересно, что рассвет во мне рассказчика совпал как раз с закатом во мне поэта. Такая вот метаморфоза. Всего я написал 15 коротеньких рассказов. Я вовсе не считаю, что краткость — сестра таланта. Кажется, Набоков сказал про Чехова, что тот писал коротко, потому что не умел писать длинно. Я тоже не умею писать длинно, и считаю это большим недостатком для писателя. Но уж как есть.

В моих рассказах, как и в моих стихах, тоже много умирания, причём, уже в буквальном смысле этого слова. Почти все мои рассказы заканчиваются смертью главного героя. Но с другой стороны ведь и жизнь каждого реально-го невыдуманного писателем человека тоже заканчивается смертью. У поэта В. Цоя есть такие строки: «Жизнь — только слово, есть лишь смерть и есть любовь». И по большому счёту он прав. Поэтому сюжет любого произведения строится либо на драме любви, либо на драме борьбы за жизнь против

смерти. Всё остальное не важно. Тема любви мне не особенно интересна, вот я и пишу о смерти.

Кроме литературного творчества, я также занимался философией и в 2001 году написал статью «Ответ на некоторые вопросы философии». Как создавалась эта статья и о чём она – я сейчас рассказывать не буду, прочитаете об этом в моём романе. Роман-то и был, собственно говоря, составлен из этой статьи и части моих рассказов. Это произошло уже в 2009 году. Я тогда решил ещё раз переписать всё, что написал, внося исправления и улучшения. И вот в процессе этой работы у меня и сложился сам собой образ моего первого романа, который я вскорости и воплотил на бумаге.

Эта книга будет интересна прежде всего тем, кто ищет ответы на самые главные вопросы человеческого сознания о жизни и смерти, тем, кто хочет обрести духовный покой, научиться мужеству. Однако любители разного рода приключений и даже ужасов тоже не останутся разочарованными, прочитав мою книгу.

Рисунок на обложке автора. Этот рисунок я когда-то нарисовал в своём дневнике по мотивам моего стихотворения «Притяжение Красной планеты». Это стихотворение дало название и всей книге. Желаю всем интересного и полезного чтения.

Роман

Философское лето

Пусть никто в молодости не откладывает занятия философией, а в старости не устаёт заниматься философией.

Кто говорит, что ещё не наступило или уже прошло время для занятий философией, тот похож на того, кто говорит, что для счастья ещё нет или уже нет времени.

Не следует делать вид, что занимаешься философией, но следует на самом деле заниматься ею: ведь нам нужно не казаться здоровыми, а быть поистине здоровыми.

Пусты слова того философа, которыми не врачуется никакое страдание. Как от медицины нет никакой пользы, если она не изгоняет болезни из тела, так и от философии, если она не изгоняет болезни души.

Э п и к у р

Курманаевка – это небольшой районный центр на западе Оренбургской области. Расположен он почти на самой границе с Казахстаном, и этот факт не имеет ровно никакого значения. Просто, уже после распада Советского Союза, порой, глядя на юг, в голову мне невольно приходила мысль, что вот, через каких-то сто километров Россия заканчивается. Это была чуть-чуть неприятная мысль.

В начале своего романа хочу в двух словах описать наш посёлок. Он вытянулся на несколько километров с севера на юг своими многочисленными улицами. Примерно три четверти из них была застроена частными домами, остальная часть – многоквартирными двухэтажками. В середине посёлка находилась маленькая площадь, вокруг которой располагались здания районной администрации, Дома культуры, торгового центра, почты, редакции местной газеты «Знамя труда» и некоторых других организаций. Часть площади занимал сквер с памятником Ленину. Здесь же, неподалёку, стояла школа со спортивной площадкой и пришкольным садом. Позднее была восстановлена и церковь, которая тоже находилась в центре.

На юге Курманаевка заканчивалась большим предприяти-

ем по ремонту сельхозтехники и трёхэтажным зданием центральной районной больницы, окна которой смотрели на обширный пустырь, за которым виднелось уже соседнее село. Здесь, за больницей, каждое лето на Троицу устраивался праздник с народным гуляньем, ярмаркой и конными бегами, а осенью для школьников проводился день здоровья с непременно кроссом. Слева от пустыря, если по-прежнему смотреть на юг, росли вётлы, обозначавшие берег протекавшей там реки. Эта речка ограничивала наш посёлок с востока. На её берегу, но уже ближе к центру, стояла обшарпанная общественная баня, выбеленная мелом. Тут же находился и бетонный мост через реку.

Самой неприглядной была северная окраина райцентра. Здесь располагались ферма и машинный двор местного колхоза «Авангард», который со временем пришёл в полный упадок; а также свалка, на которую вывозился мусор и канализационные нечистоты со всего посёлка. Свалка первая встречала человека, подъезжавшего к Курманаевке по шоссе с севера. Это шоссе вместе с бензозаправкой, постом ГАИ и автобусной остановкой служило нам западной границей. Параллельно шоссе, совсем рядом, проходила однопутная железная дорога. У посёлка она разветвлялась на несколько путей, образуя небольшую станцию. Так выглядел наш райцентр.

Существуют разные определения того, что считать своей малой родиной. Одни родиной называют место своего рождения, другие – место, где прошла большая часть их жизни, третьи малой родиной называют то место, где похоронены их предки. Из своих тридцати пяти лет тридцать я прожил в Курманаевке: здесь я учился в школе, в которую вернулся после окончания института уже в качестве учителя истории, здесь был мой дом, мои близкие и друзья. Но я не родился здесь, и на местном кладбище никто из моих предков не лежал. И когда я думал об этом, у меня по отношению к Курманаевке возникало некоторое чувство отчуждённости, с которым я ничего не мог поделать. И только позже, когда разбился насмерть мой друг детства, Сашка Городецкий, с которым мы с первого класса просидели за одной партой, местное кладбище перестало быть для меня пустым местом. Боюсь, что с течением времени оно будет приобретать для меня всё большее и большее значение.

Курманаевка моего детства вспоминается мне почему-то летней. И все эти воспоминания связаны с нашими дворовыми играми. Я жил как раз в одном из таких двухэтажных многоквартирных домов. В доме было четыре подъезда, в каждом по шесть квартир с лоджиями, плюс ещё подвал. Этот подвал со множеством тёмных закоулков можно было пройти из одного конца дома в другой, если, конечно, хватало смелости. Нас, детей, во дворе было много, са-

мых разных возрастов, и всё лето мы проводили в играх. Эти игры носили характер каких-то эпидемий, которые охватывали весь двор, продолжались недели две-три, затем сменялись новой игрой. Мы играли то в войну, то обливали друг друга из брызгалок, то строили песочные города, то вдруж весь двор пересаживался на велосипеды. Но иногда случались непонятные периоды затишья, когда двор по нескольку дней стоял пустым. Тогда мы с братом сидели дома, родители были на работе, но мы сами умели находить себе интересные занятия. Мы рисовали, строили шалаши из одеял и стульев, играли в солдатиков или что-нибудь собирали из конструктора. Но ярче всего мне вспоминаются наши морские сражения.

Это был морской бой не на бумаге, а на воде, с самым настоящим огнестрельным оружием. Сначала мы мастерили корабли. Мы брали шесть коробков спичек, шпатель с нитками, лист бумаги, вооружались ножницами, клеем и приступали к делу. Мы высыпали спички и склеивали пустые коробки по три вместе. Получались два корпуса будущих фрегатов. Часть спичек мы очищали от серы и при помощи ниток связывали из них мачты. Из бумаги вырезали паруса, прикрепляли их к мачтам, а те устанавливали на палубах кораблей, при помощи всё тех же ниток. Причём, их мы старались вязать побольше, для придания повышенной горючести нашим моделям. С этой же целью на кораблях, в раз-

ных местах, мы раскладывали кусочки ваты. Теперь нужно было к грот-мачтам присоединить по флагу. Обычно, один фрегат мы делали пиратским, увенчав его мачту «Весёлым Роджером», а второй – английским. После этого оставалось сделать, пожалуй, самое главное – пушки. У нас были игрушечные револьверы, которые стреляли пластмассовыми полыми пулями. Револьверы сломались, а пули идеально подошли для изготовления корабельных пушек. Раскалённым на огне шилом в казённой части такой пушки мы делали маленькое отверстие для запала, затем набивали пушку серой от спичек и вкладывали внутрь по два снаряда – головки всё тех же спичек с небольшим отрезком деревянной части. Таким образом мы изготавливали шесть пушек – по три на каждый корабль, и при помощи пластилина укрепляли их на палубах. Итак, фрегаты были готовы, на их изготовление и снаряжение у нас уходило часа два. Наступало время морского сражения.

Наполнив ванну, мы спускали корабли на воду. Их мы направляли навстречу друг другу, и когда фрегаты равнялись, по очереди подносили горящую спичку к пушке на своём корабле. Происходил дымный выстрел. Часто он оказывался неудачным: снаряды давали то перелёт, то недолёт и с шипением гасли в воде, либо падали на пустую палубу вражеского корабля, где не было ни ваты, ни ниток, так что результатом их воздействия оставалось лишь обугленное пятнышко

на поверхности коробка. Иногда снаряды попадали на ваты какой-нибудь мачты и сжигали их. Однако от этого мачта не падала, потому что она была ещё и воткнута в коробок. Наиболее разрушительными были те выстрелы, когда снаряды попадали в кусочки ваты. Начинался пожар, который часто перекидывался на нижние паруса. Но так как бумага была слишком плотной, все паруса не сгорали. Самое же страшное происходило тогда, когда пожар занимался на палубе корабля. Образовывалась пробоина, края которой продолжали тлеть, и фрегат начинало заливать водой. Изредка случалось, что при выстреле взрывалась сама пушка, в которой было слишком много заряда. Так что к концу сражения фрегаты, часто, имели довольно жалкий вид, а иногда даже тонули под тяжестью пластилина. Тогда мы – мой брат радостно, а я грустно – наблюдали за гибелью корабля. Да, весёлая была пора.

Мои школьные годы пришлись ещё на советское время. Как и все тогда, сначала я был октябрёнком, потом пионером, вот только в комсомол вступить уже не успел. Помню, наша школьная пионерская организация носила имя Павлика Морозова. В восьмом или девятом классе я ходил в драматический кружок, и мы под руководством нашей учительницы литературы – Иды Львовны Комковой – поставили про Павлика пьесу, которую и сыграли перед всей школой. Я исполнял главную роль. Это была единственная сыгранная

роль в моей жизни, и, может быть, поэтому я так бережно относился в последующем к моему герою и очень злился, когда вскоре Павлика Морозова стали хаять все, кому не лень.

Запомнились мне сборы дружины, запомнилась пионерская комната с её красными знамёнами, горнами и барабанами, но самые яркие воспоминания у меня остались о ноябрьских демонстрациях, когда вся школа вместе с другими организациями стройной колонной, украшенной флагами, транспарантами, воздушными шариками и бумажными цветами, шествовала вокруг поселковой площади и затем выстраивалась перед памятником Ленину для митинга. И пусть я не был сознательным пионером, пусть мне было всё равно, что говорили на митинге и что было написано на транспарантах, а главная радость для меня состояла в том, чтобы проколоть как можно больше шариков и потом хвалиться этим перед своими одноклассниками – пусть всё это было так, но я знаю точно, что все эти сборы дружины, вся эта обстановка пионерской комнаты, все эти демонстрации, лозунги и речи не были напрасными, не прошли для меня даром, они оставили во мне свой след, и я нисколько не осуждаю того времени. И не только потому, что это была страна моего детства и моей юности. Нет. Я не осуждаю то время и после того, как узнал его историю, закончив исторический факультет Оренбургского педагогического института.

Хорошо помню, как начиналась моя студенческая жизнь. В последний день августа 1992 года отец привёз меня в Оренбург. Четыре часа езды на машине, потом бесконечное оформление каких-то документов, заселение в общежитие нас окончательно вымотали. Наконец всё было улажено, и отец уехал домой, оставив меня один на один с незнакомым мне городом. Как мне было тогда плохо, каким я был уставшим – даже трудно себе представить.

Общежитие находилось на проспекте Победы, рядом с центральным рынком и универмагом «Восход». Поселился я в комнате №33, вдвоём с пятикурсником – спокойным парнем по имени Ярослав. Чтобы как-то скоротать время до вечера, мой сосед по комнате предложил сходить в кино. Я согласился. В кинотеатре меня окончательно разморило, глаза слипались, мысли путались. Из всего фильма, который назывался «Аллигатор», я только запомнил, что какой-то здоровый крокодил ползал в стоках канализации и всё время кого-то жрал. Что и говорить, подходящее было начало для моей новой жизни.

В общежитие мы возвращались в полупустом троллейбусе. Начинало уже темнеть, и Оренбург зажёгся своими ноч-

ными огнями. Но день на этом не закончился. В общежитии к нам в комнату ввалились знакомые Ярослава. Начались какие-то дикие рассказы на тему «как я провёл летние каникулы». Помню, один высокий и худой парень, которому можно было дать лет под сорок, и который учился в институте с перерывами уже, наверное, лет десять, всё хвалился, как он у себя дома трахнул двух соседок, причём, что его особенно радовало, обе были замужние. Другой, невысокий и полный парень, уголовной наружности, кажется, и не студент вовсе, или бывший студент, рассказал нам, как он на одной автобусной остановке кому-то отрезал кончик носа. В общем, только часам к трём ночи нам с Ярославом удалось избавиться от наших назойливых гостей, и на следующее утро мы чуть было не проспали. В институте на первой лекции внушительного вида профессор рассказывал нашему первому курсу о важности изучения истории, а во время перерыва возле самого деканата какие-то третьекурсники отобрали у меня сто рублей. Так я стал студентом.

Ярослав должен был уезжать на практику и посоветовал мне переселиться к своим, чтобы не быть одному. Что я и сделал. Я перенёс свои вещи в пятую комнату, где жили мои однокурсники – Еремек Кангереев и Диман Крючков. Как тут же выяснилось, они тоже были из Курманаевского района, и мы скоро стали друзьями. Однако в общежитии я прожил только два месяца и съехал на квартиру. Диман

с Ермаком продержались немного дольше, но после Нового года тоже нашли себе хату, в том же районе, где жил и я. Это был Красный городок – северо-западная окраина Оренбурга, частный сектор, посередине которого находился заросший парк с огромным Домом культуры, парадный вход в который украшали квадратные колонны. За три года, что я прожил в Красном городке, я ни разу не видел, чтобы этот Дом культуры был открыт и там проводились какие-то мероприятия.

С переездом на квартиру жизнь стала спокойнее, и появилось время для занятий. Исторический факультет Оренбургского педагогического института находился в корпусе на Советской. Это было старое четырёхэтажное здание с высокими потолками, большими окнами и паркетом на полу. Наш деканат, основные кафедры и аудитории располагались на третьем этаже. Именно здесь мы проводили большую часть учебного времени, да ещё на первом этаже, где была столовая, читальный зал и библиотека, в которую, чтобы попасть, нужно было пройти через институтский двор и какой-то длинный тёмный коридор. Кроме того, один день в неделю мы проводили на Гагарина – тут находилась военная кафедра, а на физкультуру ходили в Зауральную рощу, где была небольшая спортивная база, которую каждую весну заливало половодьем.

Вообще, сама учёба мне вспоминается мало, да и учился

я, по большому счёту, только два раза в году – в период зимней и летней сессии. Тогда, действительно, я с утра до ночи сидел за учебниками и конспектами. Всё же остальное время учёба меня не волновала, как и большинство студентов. Короче, жизнь у нас была вольная, и в моей памяти запечатлелась не учёба, а совсем другие события. Например, лагерная практика, которая проходила летом, после окончания второго курса.

Заранее скажу, что для меня эта практика продлилась всего два дня, и прошла как в дурном сне. Я попал в первую смену в лагерь «Искра». Заезд был прямо после последнего экзамена, так что я даже не успел побывать дома. Этот лагерь сразу произвёл на меня какое-то мрачное впечатление. Но так со мной бывало всегда. Я знал, что привыкну к новой обстановке, что мне даже будет потом жаль расставаться со всем этим, но лагерь всё равно был какой-то странный.

Прежде всего, он был довольно большой по своей площади. В «Искре» было три кирпичных корпуса – двух и трёхэтажных. На каждом этаже этих корпусов имелось по четыре просторных и светлых палаты с кроватями для школьников, комната для воспитателей и вожатых, широкий коридор, душ, туалет. Эти корпуса предназначались для самых младших ребят. Первый, второй и третий отряды, то есть самые старшие, должны были жить на дачах. Эти дачи пред-

ставляли собой деревянные приземистые домики с маленькими окнами почти у самого пола, внутри которых было темно и сыро. В лагере имелись и другие строения: какие-то склады, дома на отшибе, где должен был жить обслуживающий персонал, игровые площадки. Было там и центральное двухэтажное кирпичное здание, в котором помещалась администрация лагеря, актовый зал, библиотека и столовая. Все эти корпуса и дачи были разбросаны в лесу и соединялись между собой асфальтовыми дорожками, над которыми смыкались кроны деревьев. В общем, и вправду, довольно мрачновато, и за два дня, что я пробыл в «Искре», я так и не смог до конца представить себе геометрию лагеря.

По приезду в «Искру» нас всех собрали в актовом зале, огромном, затемнённом и сыром. Весной лагерь заливало водой из Урала, и он ещё не успел как следует просохнуть. Меня распределили в 7-ой отряд, который должен был помещаться на первом этаже трёхэтажного корпуса. Я сразу же познакомился со своей воспитательницей и второй вожатой – девушкой по имени Злата. В этот же корпус попали Эдик Башкардинов и Роман Стрелец. Они были на втором этаже. Там имелась свободная комната, в которой мы поставили себе кровати. На третьем этаже разместились Андрюха Лямкин, Юлиана Кучмий и их воспитательница Юля. Эту девушку я заметил ещё в актовом зале, и она меня тоже.

В общем, вроде, всё шло хорошо, но уже тогда я начал, что называется, тормозить. Мне казалось, что всё это: вся эта обстановка, все эти лица я уже где-то видел, уже слышал все эти разговоры. Сказывалось то, что я ночь перед заездом в лагерь почти не спал, не завтракал и не обедал, только курил. Впрочем, я был бодр, просто голова всё происходящее воспринимала как какой-то сон. Но это было только начало.

С воспитательницей и второй вожатой мы засели у себя в комнате и обсудили план работы. Оказалось, что они уезжают на два дня в город, мне же они сказали, чтобы я пока отдыхал, купался, загорал, а на досуге придумал бы для нашего отряда название, девиз и речёвку. Ещё дали задание сходить в шесть часов вечера на общелагерное совещание. Короче говоря, они уехали, а я остался на эти дни один. Наверное, это меня и сгубило. Я ведь и вправду думал, что до заезда школьников буду отдыхать. Но это оказалось не так.

Оставшись один, я решил сходить на дачи в гости к Диману Крючкову, который тоже распределился в «Искру» в первую смену. По дороге я чуть было не заблудился в лагере. И заметил ещё одну странность. Здесь было какое-то непонятное, еле уловимое эхо. Когда ты идёшь по дорожке, то слышно, что как будто за тобой тоже кто-то идёт, или вдруг шаги начинают обгонять тебя по лесу, и топают

уже впереди по дорожке. Сначала я подумал, что это, действительно, чьи-то шаги, может быть, на соседних дорожках, но потом понял, что это было эхо. А Димана я всё-таки нашёл. Он сидел у себя на даче со своими девками. Кроме Димана, на дачи попали Женёк Лебедев, Виталик Рыжков, Волоха и другие мои однокурсники.

В шесть часов я сходил на совещание. Стало ясно, что никаких планов, никакой программы на общелагерные мероприятия попросту нет. Никто ничего не знал, никто ни за что не отвечал. Отряды уже начали получать постель, однако, основные дела предстояли на завтра.

После ужина мы собрались на даче у Женька Лебедева. С самых зимних каникул я вообще водки не пил, и меня приятно развезло уже после первой рюмки. Часов в 12 мы с Романом ушли к себе в корпус. Уже стемнело. По лагерю, в лесу, на перекрёстках асфальтовых дорожек кое-где горели фонари. Стояла тёплая летняя ночь. Я был как будто в сказке. Придя в корпус, я ещё побродил немного в одиночестве по его коридорам и палатам, вышел на балкон второго этажа, покурил. Часа в два пришёл Эдик. Роман уже спал, мы тоже легли и, наверное, часов до четырёх ночи профилософствовали. Прибегал ещё Виталик Рыжков, его чуть было не покусали собаки, которых, вроде, сторожа выпускали на ночь рыскать по лагерю. Потом Эдик уснул, а я не смог. Так и про-

лежал до утра. Это была уже вторая подряд бессонная ночь.

На следующее утро мы с Эдиком поднялись рано. Что касается меня, то мне просто надоело лежать. Вышли на балкон. Раннее утро, тишина, по лагерю летали огромные рыжие комары. Как ни странно, но я был бодр, только в голове немного шумело. И мне ещё хватило сил, чтобы весь день проработать. Я приводил в порядок свой первый этаж вместе с двумя уборщицами – выдавших виды девушками лет тридцати, рабочими какого-то завода. Лишь к концу дня я выдохся. В этот вечер на дачах снова гуляли, но я туда не пошёл. Почти весь наш корпус – воспитатели и вожатые – собрались у нас в комнате. Мы просидели допоздна, не зажигая света, разговаривали. В эту ночь я тоже не смог заснуть. И на утро у меня в голове была только одна мысль – бежать отсюда куда глаза глядят. Я собрал сумку, зашёл на дачи попрощаться с Диманом, и с двумя однокурсниками, которые просто приезжали в лагерь в гости к товарищам, покинул «Искру». В этот же день я взял билет на поезд и вечером уехал домой.

3

В студенческие годы жизнь Курманаевки я мог наблюдать в основном летом, на каникулах. Курманаевка советского периода вспоминается мне почему-то малолюдной, хотя численность её населения в те годы вряд ли была меньшей, чем

сейчас. Возможно, такой образ возник потому, что все люди тогда работали, а не шлялись без дела. Жизнь была дешёвой – за пять копеек можно было сходить в кино, но скромной – за счастье, например, у нас считалось на выходных купить пару стаканчиков мороженого, к тому же, ещё и жидкого. От такой жизни и люди были скромнее, проще и добродушнее. Но главное, все тогда были равны, и не было ни бедных, ни богатых, и даже хулиганы тогда имели вполне мирный вид.

Затем всё изменилось. После нескольких лет тотального дефицита наступила эра изобилия, вот только не для всех. Как грибы после дождя в нашем райцентре стали появляться коммерческие магазины, кафе, отстроился рынок. Всё это заполнилось народом, который теперь думал только о деньгах и ценах. Появились предприниматели, иностранные машины, много красивых, а точнее, красиво покрашенных девушек, откуда-то взялась целая армия бритоголовых мордоворотов, готовых прибить любого, кто запутается у них под ногами. Одновременно появилось много бедных и даже нищих людей, каких-то пьяных забулдыг, на которых было просто больно смотреть. И над всем этим на трёхэтажном здании нашей районной администрации вместо красного теперь победно развивался трёхцветный флаг новой России.

Однако если вы думаете, что всё это меня сильно волно-

вало, то ошибаетесь. Совсем напротив.

Лето. Каникулы. Я просыпался поздним утром. Солнечный денёк. Прислушивался. В квартире тишина. Значит, дома никого нет. «Доброе утро, последний герой, доброе утро тебе и таким как ты; доброе утро, последний герой, здравствуй, последний герой», – приветствовал я сам себя стихами Виктора Цоя. Я вставал, приводил себя в порядок, завтракал и выходил на балкон встречать утро. С балкона был виден двор моего дома с гаражами и огородами, за ними – улица, ещё дальше – нагромождение домов, за которыми только голубое небо. Уже с утра было жарко. А я любил жаркую погоду. Даже сам не знаю почему. Может быть, потому, что в жару мозги плавятся, и все горести и радости людские кажутся ничтожными. Не знаю, может быть и поэтому.

Встретив утро, я возвращался в квартиру. Делать было нечего, и, послонявшись из угла в угол, я, в конце концов, оказывался лежащим на своём диване.

Говорят, например, что тяжело пахать землю, выращивать хлеб. Говорят также, что трудно в одиночку переплыть океан или взобраться на Эверест. Я не знаю. Вполне возможно. Но зато я точно знаю, что очень трудно целыми днями лежать на диване и ничего не делать! Не верите? Попробуйте сами, и вы убедитесь, что я прав. При этом вы не должны ни

читать, ни смотреть телевизор, ни слушать музыку – необходимо исключить всякие занятия, а также всякое общение, разговоры по телефону и тому подобные вещи, и так провести целый день.

Ну, как? Попробовали? Легко вам было? И это ведь только один день, а не неделя, не месяц и не год. Тем более, что вы всё это проделали специально, ради интереса, чтобы испытать себя. Одним словом, вы не почувствовали и десятой доли той скуки, которую ощущает человек, лежащий целыми днями на диване не ради какой-то забавы, а потому, что ему действительно всё на свете не интересно, не интересно по-настоящему.

В старших классах школы, когда мне было ещё интересно жить, я прочитал роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Эта книга сразу стала мне очень близкой, а её главный герой, Григорий Печорин, – моим любимым героем, которому я стал подражать. Во всяком деле я напускал на себя равнодушный вид, и это доставляло мне огромное удовольствие. Я думал, как хорошо быть безразличным ко всему, мне казалось, что я отлично понимаю и Печорина, и самого Лермонтова. Но года через три, когда я действительно потерял всякий интерес к жизни, и мне стало по-настоящему скучно, я понял, как жестоко ошибался. Я понял, как на самом деле было тяжело Печорину и самому Лермонтову. Я

почувствовал всю невыносимую тяжесть скуки и ничегонеделания. Когда жизнь перестает приносить тебе радость, перестаёт быть тебе интересной, то тогда она просто берёт тебя и укладывает на диван. И начинается самая нудная, самая изошрённая пытка.

Бывало, лежишь так час, два, три, наконец, до того надоест лежать, что уже больше не можешь. Тогда ты поднимаешься и садишься, а делать-то всё равно нечего. Сидишь так, блуждая взглядом по комнате. И вот то, что ты сначала лежал, а потом сел, уже является для тебя целым событием дня.

А бывало, такая хандра находит, такая апатия наваливается, что даже и просто сесть ты не можешь, потому что и это тебе кажется бессмысленным делом. И ты лежишь уже, действительно, как прикованный, и тебе до того всё неинтересно, что даже думать не о чем, и мыслей в голове никаких нет. В такие моменты я погружался в забытьё: нечто среднее между бодрствованием и сном, и для этого мне не нужна была ни медитация, ни гипноз. Я достигал транса естественным путём, не прикладывая к этому никаких усилий. Это помогало скоротать время, но не на много. В основном же я просто лежал, и в голову мне лезли всякие дрянные мысли, от которых и сойти с ума было недолго.

В буддийской философии говорится, что лучше сидеть, чем стоять, ещё лучше лежать, чем сидеть, а ещё лучше спать, чем просто лежать, но лучше всего умереть. Так как умирать мне страшно, сплю я тоже плохо, то мне остаётся просто лежать. И я буду лежать. Я буду лежать на своём диване тридцать или сорок лет, а потом я умру, как и все умирают. И, скорее всего, меня некому будет схоронить. Но это меня не тревожит. Я буду и мёртвый лежать на диване, в зале с плотно задёрнутыми шторами на окнах. На столе будет стоять золочёный подсвечник с тремя горящими свечами, и позолота будет искриться в их мерцающем свете, а с дивана будет смотреть мой мёртвый зрак...

Или я начинал мечтать о третьей мировой войне. Даже не знаю, что было главным в этих мечтах. Возможно, за ними скрывалась надежда на всё разрешающий конец, который должен был уничтожить ту пустоту, в которой я оказался. Не знаю. Но порой это моё ожидание третьей мировой войны бывало таким нетерпеливым, что я часами смотрел по телевизору новости, переключаясь с одного канала на другой, и в потоке репортажей из разных уголков земли пытался уловить её приближение. У меня было много времени, и я часто подолгу думал о том, какая это будет война. Может быть, это будет война современных великих держав за новый передел мира, как первая и вторая мировые войны. Возможно, это будет война многолюдного и бедного юга с богатым,

но малочисленным севером, и тогда, если победит юг, наступят новые средние века. А может быть, падение нравственных устоев в капиталистическом обществе приведёт к анархии на земле и всеобщей бойни. Порой, желание войны настолько обуревало мной, что я начинал к ней готовиться: делал гимнастику, читал книги о прежних войнах, изучал оружие. Но главное, я на тысячу ладов старался представить себе тот последний мой бой.

...Обычно мне чудилась промышленная окраина какого-то большого южно-сибирского города с трубами молчаливого завода, грудями металлолома и длинным бетонным забором с колючей проволокой и надписью: «Осторожно, территория охраняется злыми собаками». Мне чудилась поздняя осень, ясное небо после дождя, холодно, на земле подмораживает грязь. Нашему подразделению будет дан боевой приказ обороняться на высоте, недалеко от города, а затем отходить в сторону леса, который на карте будет обозначен как «Прозрачный лес». Бой начнётся вечером, когда низкое солнце зальёт окрестности багровой краской заката. Особенно ярко в его лучах будут гореть огромные многосекционные окна одного из корпусов завода. В самый разгар боя взрывом реактивного снаряда меня оглушит. Из моих ушей потекут струйки тёплой крови, которые я буду стирать грязными закороченными пальцами рук, и дальше бой будет для меня продолжаться как в немо кино. Земля будет в дыму. Я бу-

ду видеть взрывы в тишине, наблюдать передвижения солдат и боевых машин противника, трассы пуль. Наше подразделение не выдержит натиска врага, и мы начнём отходить к лесу. В редком лесу, больше похожем на городской парк, негде будет укрыться, голые стволы деревьев будут розоветь в лучах холодного заката. И вот, на опушке леса, одна из огненных прерывистых линий от трассирующих пуль прожжёт меня насквозь где-то в области сердца, и я ещё успею оглянуться и увидеть, как она будет уходить за спиной между розовых стволов деревьев в прозрачный лес...

Да, именно так, в большинстве случаев, я представляю себе свой последний бой. Однако сколько бы я ни всматривался в сводки новостей, я не мог разглядеть никаких признаков новой надвигающейся мировой катастрофы. Конечно, в разных местах происходили какие-то локальные войны, но в них гибли единицы, а миллионы в это время продолжали жить, как ни в чём не бывало. Погибнуть, даже в бою, в такой войне у меня не возникало желания. Ведь если умирать, так всем вместе. Да и вообще, вряд ли это моё ожидание третьей мировой войны было серьёзным. Нет. Это была просто игра с самим собой в прятки.

4

Однако не всегда мне было так плохо. Иногда скука отпус-

кала, и мне было даже приятно валяться на диване и ничего не делать. И тогда меня посещали более светлые фантазии. Например, я мечтал о звёздах, о дальних космических путешествиях, о приключениях на чужих планетах. Ещё в старших классах школы я увлёкся астрономией, обзавёлся картой звёздного неба и тёплыми летними ночами наблюдал звёзды в небольшую подзорную трубу. Помню, у нас в школе, в кабинете физики, во всю стену красками была нарисована Солнечная система: Солнце, планеты и их орбиты. А в углу этой картины, всё теми же красками, были написаны слова Циолковского, которые я помню до сих пор: «Земля – это колыбель человечества, но человек не может всю жизнь прожить в колыбели». И я очень жалел, что родился так рано, и что мне не полететь к далёким звёздам.

Лёжа на своём диване, я часто представлял себе космос. Не звёздное небо, а именно космос, когда звёзды и над вами, и под вами, и впереди, и сзади, и справа, и слева. Это, должно быть, захватывающее зрелище. Ибо земля велика, но космос ещё более велик. Он бесконечен. Здесь звёзды горят неугасимо, не мерцают. Они горят в абсолютной черноте, так как их свет не отражается в пустом пространстве. Здесь царит вечная ночь, и покой этот не рушим.

А теперь представьте, что вы находитесь рядом с одной из звёзд – на расстоянии в несколько раз более близком, чем

то, на которое Земля отстоит от Солнца. Поэтому диск звезды грандиозен. Он притягивает к себе. Кажется, что невозможно преодолеть его притяжения. И он ослепительно бел. Это значит, что перед вами «белый карлик» – звезда, может быть, во много раз меньше, чем наше Солнце, но и на много горячее его. Однако, несмотря на этот ослепительный свет, пространство вокруг «белого карлика» так же черно, и в нём так же ярко и не мерцая горят дальние звёзды.

Через какое-то время в этой потрясающей картине звёздного оцепенения вы как будто замечаете некоторое движение. Сначала вы думаете, что это вам только показалось, но уже через несколько часов наблюдения сомнений не остаётся. Одна из звёзд еле уловимо перемещается. Может быть, это планета, которая обращается вокруг «белого карлика», или более быстрый астероид, а может быть, это космический корабль. От последней догадки вы приходите в невероятное возбуждение. Но лучше успокойтесь, наберитесь терпения, – в космосе всё происходит не так быстро, как на земле. И не потому, что здесь малы скорости, а потому, что тут огромны расстояния.

Между тем звезда, за которой вы пристально следите, делается всё ярче и ярче. Это значит, что она к вам приближается. Вот она распадается на множество огней. С каждым часом их становится всё больше. И вот, наконец, – о, чу-

до! — на фоне «белого карлика» начинает появляться чёрный силуэт гигантского космического крейсера. Он огромен. Корабль движется крайне медленно. Примерно, как часовая стрелка на ваших наручных часах. Её ход не заметен для человеческого глаза, однако, через некоторое время вы замечаете, что стрелка переместилась. Так и звездолёт. Вслед за тупым носом появляется центральная часть корабля с нагромождением многочисленных надстроек, целым лесом антенн, полями солнечных батарей; наконец показывается длинная корма, и теперь вы можете видеть весь корабль. Он словно новогодняя ёлка унизан гирляндами светящихся иллюминаторов, красными, синими, зелеными точками навигационных огней. И очень странно, что такая огромная махина движется совершенно бесшумно. Впрочем, это не так. Просто в пустом космическом пространстве звуки тоже не передаются.

Теперь представьте, что вы находитесь совсем близко от звездолёта. Настолько близко, что можете рассмотреть его во всех подробностях. Вас, прежде всего, интересует вопрос: автоматическая это космическая станция, или же пилотируемый корабль. Вы силитесь разглядеть за иллюминаторами хоть какое-то движение, но тщетно. Уже половина крейсера прошла мимо вас, а вы не заметили на его борту ни одного признака жизни. Вы уже отчаялись, как вдруг, среди нагромождения надстроек, на открытом мостике вы видите

маленькие фигурки двух человечков в скафандрах, точнее, их чёрные силуэты. Они стоят, совершенно спокойно, под стать всей разворачивающейся перед вами величественной картине открытого космоса, и смотрят на «белый карлик».

Громада корабля медленно удаляется от вас, сопла его маршевых двигателей горят адским голубым огнём, но вы уже удовлетворили своё любопытство. Теперь вы думаете о тех двух человечках на мостике. Кто они? Может быть, это два товарища, которые встретились во время короткого отдыха перед ночной сменой, чтобы перекинуться парой приветственных слов и полюбоваться на белую звезду, мимо которой сейчас пролетает их станция. Скоро один из них спустится в командную рубку корабля и всю ночь проведёт в кресле перед мигающим монитором главного компьютера, а другой, напротив, закончив работу, отправится к себе в каюту, разделется и ляжет спать. Ему будет неудобно лежать на жёсткой постели, от перенапряжения в голове будет пусто, а на потолке каюты, в темноте, будет медленно вращаться вентилятор: туххх... туххх... туххх... туххх... От работы мощных двигателей мелкой дрожью будут дрожать переборки корабля, и неожиданно задребезжит на столике пустой стеклянный стакан, и перестанет. Уже совсем забываясь сном, он расслышит в соседнем блоке осторожный шорох. Это не спит его сосед-доктор, пьёт свой любимый кофе и курит одну сигарету за другой. Напоследок, за перегородкой,

раздадутся тяжёлые шаги робота-дежурного, совершающего обход станции по её бесконечным коридорам, подсвеченным матовыми фонарями ночного освещения. Шаги стихнут где-то в глубине жилого уровня, человек заснёт на своей неудобной постели, и только всё также на потолке каюты, в темноте, будет медленно вращаться вентилятор: туххх... туххх... туххх... туххх...

Пройдёт ещё несколько часов, и корабль превратится в крошечную звёздочку и затеряется среди прочих звёзд. Какая судьба его ожидает? Это не трудно себе представить. В лучшем случае, отслужив свой срок, он сначала превратится в учебную базу для молодых курсантов Космической академии, а потом из него сделают музей, куда на экскурсии будут приводить школьников. Хуже, если крейсер решат ликвидировать. Тогда его просто спустят на какую-нибудь незаселённую людьми планету, и он сгорит в её атмосфере, а не сгоревшие его обломки упадут в тёплый голубой океан, распугав стайки разноцветных рыбок, и навсегда канут в его бездне. Однако всё может быть и ещё хуже. Что, если вы видели тех двух человечков, стоящих на открытом мостике корабля и любующихся «белым карликом», всего лишь за несколько лет до начала звёздных войн. И тогда есть большая вероятность, что корабль погибнет. Ракета попадёт точно в цель. Она не сможет разрушить огромную станцию, но начнётся быстрая разгерметизация корабля, и люди в нём

просто взорвутся под действием внутреннего давления своих тел, совсем как испорченные консервные банки. Они будут лежать на металлическом полу крейсера, в его бесконечных коридорах и отсеках, или будут сидеть, раскинув руки, в своих рабочих креслах, и в безвоздушной ледяной среде их обезображенные трупы, похожие на тельца препарированных лягушек, сохранятся на долгое время.

Всё это случится в далёкой системе, звезда которой будет не жёлтой, как наше Солнце, и не белой, как тот «карлик», а красной, как раскалённая железная печка. И это значит, что перед нами «красный гигант» — звезда во много раз больше Солнца, но холоднее его. И вот, на фоне красного диска «гиганта» сначала появится тупой нос корабля, потом его центральная часть с нагромождением многочисленных надстроек, целым лесом антенн и полями батарей; потом покажется длинная корма, и вы узнаете силуэт своего старого знакомого звездолета, который всё так же будет унижен гирляндами светящихся иллюминаторов, красными, синими, зелёными точками навигационных огней. Однако на его мостике вы больше не найдёте двух человечков в скафандрах, двух товарищей, любующихся красной звездой. Корабль будет мёртв. Сопла его маршевых двигателей уже давно остынут, но солнечный ветер будет гнать корабль всё дальше и дальше. Всё так же будут гореть, не мерцая, звёзды в чёрном и холодном космосе, и всё так же ничто не сможет на-

рушить их покоя...

Да, может быть всё так и будет, но уже без нас. Впрочем, сейчас я об этом уже не жалею, и о звёздах больше не мечтаю. А всё потому, что я узнал одну истину. Оказывается, мир един. Это значит, что везде всё одно и то же. Что далёкие звёзды похожи на нашу звезду – Солнце, их планеты – на планеты Солнечной системы, а та планета, где, возможно, когда-нибудь люди повстречают жизнь, будет похожа на нашу Землю, а её разумные существа – на нас, людей. А это уже скучно.

5

Иногда мне становилось совсем хорошо, просто лежать на диване и мечтать было мало, хотелось каких-то действий, приключений, и тогда я садился за свой компьютер и играл всегда в одну и ту же игру. Это был автосимулятор с элементами экшена. Я не знаю, чем именно эта игра меня привлекала. Она всегда одинаково начиналась, одинаково проходила, и одинаково заканчивалась...

...Звучала лёгкая ритмичная музыка, больше ничего слышно не было. Он сидел в автомобиле, на водительском месте, абсолютно спокойно. Машина стояла возле аккуратного белого домика с палисадником, единственное рос-

шее там деревце переливалось на солнце яркой зелёной листвою. Странно, что не было слышно шума листвы на ветру, звучала лишь лёгкая ритмичная музыка. Небо было светло-голубым, где-то вверху, за пределами переднего ветрового стекла светило полуденное солнце, но тепла он не чувствовал. Впереди, вдоль улицы, тянулись два ряда совершенно одинаковых белых домов, точно таких же, возле которого он стоял. Было видно, что улица, заканчиваясь, выходила на шоссе, где туда-сюда проносились редкие точки автомобилей. Это перемещение точек, да игра переливающейся на солнце зелёной листвы было единственным движением во всей этой, словно нарисованной, неподвижной картине.

Ладно, пора. Прокатимся.

Его рука сама собой включила зажигание. На фоне звучащей лёгкой ритмичной музыки послышалось сердитое урчание работающего двигателя, которое стало почему-то внушать некую неопределённую надежду и уверенность. Он нажал на газ, отчётливо щёлкнула автоматическая коробка передач, и машина тронулась. Его руки плавно вывернули рулевое колесо влево, улица с двумя рядами одинаковых белых домиков поплыла вправо, и автомобиль мягко выехал на дорогу. Через несколько секунд езды, от которой он начинал испытывать удовольствие, улица закончилась. Он миновал автобусную станцию с застывшими там

людьми и, пропустив перед самым носом длинный рефрижератор с несколькими рядами колёс, вырулил на шоссе.

Стрелка спидометра поползла вправо, застыв на отметке шестидесяти миль в час. Населённый пункт с аккуратными белыми домиками, автобусной станцией и красной водонапорной башней скоро исчез из виду, как яркая картинка с открытки. Серая полоса асфальта прямой лентой уходила вдаль. По её сторонам бесконечной чередой тянулись зелёные поля с редкими фермами и группами деревьев. На светло-голубом небе появились белые угловатые облака, которые невидимый ветер гнал куда-то на запад. На шоссе попадались немногочисленные встречные автомобили, часто совершенно одинаковые. От всего этого постепенно становилось скучно.

Он проехал уже около тридцати миль, но ничего не происходило. У него совсем было испортилось настроение, когда он, наконец, обратил внимание на зеркало заднего вида. Там уже несколько минут виднелась оранжевая точка какого-то автомобиля. Это был первый попутный автомобиль, который он заметил, и этот автомобиль неуклонно приближался. Возникло ощущение, что здесь что-то не так, что что-то должно было случиться.

Ещё через десять миль пути подозрительная машина уже

достаточно приблизилась, чтобы её можно было рассмотреть во всех подробностях. Это был большой кабриолет. В нём находилось, наверное, человек шесть, которые активно размахивали во все стороны руками. Странно. Он решил подпустить кабриолет поближе и уже через несколько мгновений сквозь звучание лёгкой ритмичной музыки, сердитое урчание работающего мотора и шуршание покрышек об асфальт расслышал тупые хлопки. Теперь стало понятно, что шестеро мужчин в тёмных костюмах, в шляпах с широкими полями, находившиеся в оранжевом автомобиле, не просто махали во все стороны руками, они стреляли во все стороны из револьверов. От этого открытия у него похолодели ладони, на лице появилась нервная улыбочка. Он судорожно нажал на газ как раз в тот момент, когда все шестеро мужчин разом начали стрелять в его сторону. Но он успел. Ничего не произошло. Кабриолет начал медленно отставать, затем он резко уменьшился, очевидно, затормозив, свернул на пересекавшую шоссе дорогу и быстро скрылся из поля зрения зеркала заднего вида.

Он перевёл дух и, может быть, в первый раз вслушался в лёгкий ритм звучащей музыки. Это его расслабило. Он заметил и некоторые перемены в окружающей его картине. Исчезли белые угловатые облака, небо из светло-голубого превратилось в синее. Наступал вечер. Чаше стали попадаться сложные развилки дорог, какие-то дорожные знаки и указа-

тели, которые он никак не мог разобрать. Всё говорило за то, что впереди приближался крупный населённый пункт, скорее всего, большой город.

Промелькнул знак, вполне определённо указывающий на автозаправочную станцию. Он сбавил скорость. Вот показалась и сама заправка с красными бензоколонками. Когда до неё оставалось совсем немного, от группы стоявших там автомобилей отделился человек и побежал к шоссе, размахивая чем-то в руке. Опять эти махания руками. Его нога сама собой нажала на газ, стрелка спидометра быстро поползла вправо. Фигура человека, который уже успел добежать до шоссе, промелькнула мимо, и в следующий миг раздался взрыв. Он успел заметить его огненное зарево в зеркале. Машину резко занесло. Сердце лихорадочно билось, руки дрожали. Но, не сбавляя скорости, он всё же сумел справиться с заносом, чуть было не слетев с дороги. Чёрт, кажется, пронесло.

По-прежнему звучала лёгкая ритмичная музыка. Синее небо становилось всё темнее и скоро превратилось в густо-сиреневое. Только над далёкой линией горизонта светилась жёлтая полоса заката, но самого солнца видно не было. Зато взошёл белый диск луны. Такой огромной луны он ещё не видел. На ней отчётливо можно было разглядеть тёмные моря и крупные кратеры. Стало как-то тревожно. Он да-

же не заметил, как на фоне жёлтой полосы заката появился чёрный силуэт города, возвышавшийся в центре зловещими пиками небоскрёбов. Он сбавил скорость и через некоторое время въехал в чужой для него город.

В городе было довольно темно и мрачно. Серые однообразные дома зияли чёрными провалами окон. Лишь кое-где в них горел электрический свет, да иногда, между коробок домов, выглядывала луна, заливая улицу бледным фосфорическим светом. Стали попадаться одинокие прохожие на тротуарах, часто совершенно одинаковые, с бесстрастными, застывшими лицами.

Ближе к центру города от подсвеченных витрин магазинов, огней рекламы, мигания светофоров стало светлее. Увеличился поток машин на улицах, возросло и число пешеходов. Внезапно пошёл дождь, вмиг омывший асфальт. К звучанию лёгкой ритмичной музыки, сердитому урчанию работающего двигателя, шуршанию покрышек прибавился мерный стук дождя о верх его машины. Он включил дворники, которые с лёгким скрежетом стали освобождать переднее ветровое стекло от струек воды. Сделалось как будто уютнее, только удивляло одно: откуда мог взяться дождь, если по-прежнему из-за серых коробок домов то и дело выглядывала огромная луна.

Вскоре стали появляться и новые звуки, делавшиеся всё более настойчивыми. Первым был вой далёкой полицейской сирены, поразивший его своей заунывностью и оторванностью в этом ночном городе. То тут, то там раздавались хлопки пистолетных выстрелов, треск автоматных очередей. От кучек людей, скопившихся у дверей баров, доносились какие-то крики, которые он никак не мог разобрать. Был ещё один, периодически повторявшийся звук, источник которого он долго не мог определить. Это был душераздирающий вопль, после которого раздавалось отвратительное чавканье и хлюпанье. Однако загадка разрешилась банально. Это оказался вопль сбиваемых машинами прохожих. И всякий раз жертвой становился какой-то парень в клетчатых штанах, пытавшийся перед самым носом автомобиля перебежать дорогу. А машины даже не тормозили, сбивали его на полном ходу и как ни в чём не бывало продолжали движение. Вообще, как он понял, водители в этом городе не стремились соблюдать правила дорожного движения, и ему приходилось быть всё более осторожным. Это начинало утомлять.

На улицах стали попадаться разбитые горящие машины. Уже несколько раз он мог наблюдать потасовки у дверей баров, а один раз даже видел, как застрелили какого-то парня с длинными волосами, одетого в кожаную куртку, прямо на улице. Изредка попадались совсем тёмные перекрёстки, посередине которых негры в грязных майках и вязанных ша-

почках жгли костры. И каждый раз, когда он проезжал мимо них, они бежали за его машиной, показывали средний палец, плевались и что-то кричали, что — непонятно. Он встретил и своих старых знакомых. Как-то он стоял на перекрёстке в ожидании зелёного сигнала светофора. Послышался звук приближающейся стрельбы. По пересекавшей перекрёсток дороге промчался белый лимузин, а следом за ним — большой оранжевый кабриолет. Шестеро сидевших в нём мужчин, в тёмных костюмах, в шляпах с широкими полями, наперебой стреляли в лимузин из револьверов. Через несколько секунд кавалькада с пальбой скрылась из виду. Он ещё несколько раз, в разных концах города, встречал белый лимузин и преследующий его оранжевый кабриолет. И было непонятно, те же это машины, несущиеся в бесконечной погоне по ночному городу, или это были совершенно другие машины.

Он начал уставать. К городу, где творился какой-то беспредел, он уже привык, ничто его здесь уже не удивляло. Становилось скучно. Казалось, что его никто здесь не хотел замечать. Он решил чего-нибудь выпить и свалить из города.

К бару он подъехал как раз в тот момент, когда снова убили парня с длинными волосами, одетого в кожаную куртку. Он остановил машину, но двигатель глушить не стал. Дождь

по-прежнему барабанил по крыше, дворники со скрежетом освобождали переднее ветровое стекло от струек воды, звучала лёгкая ритмичная музыка. Всё это окунуло его в мягкий покой. На фоне светящихся окон бара снова происходила потасовка, оттуда до него доносились крики людей. Но в какой-то момент картина изменилась. От толпы отделились несколько тёмных фигур, у одной из которых в руке он заметил пистолет, и двинулись к его машине. Крики стали громче, он уже мог разобрать несколько слов: «Твою мать! Сука! Я тебе сейчас мозги вышибу!» О, чёрт! Он резко рванул машину. Сзади раздались выстрелы. Только через несколько кварталов, когда бар остался далеко позади, он заметил на ветровом стекле две пробоины от пуль. Значит на этот раз его всё-таки задел. Всё, пора сматываться из этого города.

Но удача покинула его. Он сам это почему-то почувствовал. Наверное, потому, что удача и усталость – вещи несовместимые. Да, он страшно устал. На одном из поворотов он, видно, не рассчитал скорость, или даже не хотел её рассчитывать. Его машину сильно занесло и ударило о какой-то одиноко припаркованный автомобиль. Всё как бы замерло. Снова звучала лёгкая ритмичная музыка, о верх машины барабанил дождь; снова он оказался перед баром, где творился какой-то беспредел. Однако он заметил и перемены. Не было слышно сердитого урчания заглушённого двигателя и скрежета неподвижно застывших дворников. Сквозь водя-

нистую муть, покрывшую переднее ветровое стекло, он уловил уже знакомое движение. От кучки людей у бара отделились несколько тёмных фигур и двинулись к нему. Он не стал ждать, когда они подойдут, открыл дверцу и спокойно вышел из машины. Он слишком устал, чтобы не быть спокойным. Ему было уже всё равно.

Первое, что он заметил, выйдя из автомобиля, была абсолютная тишина. Звучание лёгкой ритмичной музыки вдруг прекратилось. Он даже замер от изумления. Но через несколько секунд звуки стали возвращаться. Послышалась новая музыка, сначала тихо, затем всё громче и громче. Она напоминала шум прибоя: волны то накатывались на берег, то медленно отступали. Это ему понравилось. В следующий миг до него долетели крики приближающихся людей, он снова разобрал слова: «Твою мать! Сука! Я тебе сейчас мозги вышибу!» Раздалось несколько выстрелов. Выйдя из оцепенения, он двинулся к углу дома, сначала шагом, нащупывая в кармане пистолет, о существовании которого до последнего времени даже не подозревал, затем бегом. Завернув за угол, он оказался на тёмной пустынной улице. Здесь он остановился. Ему вдруг захотелось пострелять. На фоне светящихся окон бара чётко вырисовывались тёмные силуэты его преследователей. Он сделал несколько прицельных выстрелов, испытывая от этого удовольствие. Одна фигура упала.

Он решил бежать и побежал. Даже сильно уставший человек иногда совершает разумные поступки. Он бежал, из-за спины до него долетали крики людей, хлопки выстрелов. Он сам несколько раз останавливался, оборачивался и стрелял куда-то в темноту, затем снова бежал. Он бежал до тех пор, пока звуки погони, становившееся всё глуше и глуше, не прекратились совсем. Значит оторвался. Он пошёл шагом.

По-прежнему была ночь, лил дождь, волны то набегали на берег, то медленно отступали. Тёмная улица оставалась совершенно пустынной, он не встретил ни одного прохожего, мимо него не проехала ни одна машина, лишь изредка в подворотнях, среди нагромождения мусорных баков, шныряли огромные крысы со светящимися красными глазками. Одну такую крысу он даже пристрелил от нечего делать. Ему уже надоело идти, улица казалась бесконечной, да и куда идти, зачем? Снова навалилась страшная усталость, кроме этой усталости он больше уже ничего не чувствовал. Он остановился.

Неизвестно, сколько прошло так времени, когда он услышал шуршание шин о мокрый асфальт. Приближался автомобиль. Он обернулся только тогда, когда машина была уже совсем рядом. Он заметил в открытом окне боковой дверцы

тёмный овал лица и руку с пистолетом. Он не успел ничего сообразить, или не хотел ничего соображать, как прогремело несколько выстрелов. Что-то ударило его в грудь и прижало к сырой стене дома...

Он медленно сползал по стене вниз. Шум прибоя прекратился, было слышно лишь как стучал дождь, и ещё, на какое-то мгновение, он снова расслышал вой далёкой полицейской сирены. Значит, его всё-таки достали. Он не чувствовал боли, и усталости он тоже больше не чувствовал. Перед тем, как картинка окончательно погасла в его глазах, он почувствовал лишь лёгкое сожаление. О чём он тогда пожалел, он и сам не знал...

...В эту игру я играл не часто, может быть, пару раз в месяц. Мне этого было вполне достаточно, тем более, что потом, во время моего лежания на диване, она тысячу раз прокручивалась у меня в голове, вплоть до мельчайших подробностей.

6

Так я убивал время до вечера. Часто, часам к пяти собирался дождик, уже настоящий, а не компьютерный. Он быстро выливался, тучи расходились, и снова светило солнце. Лежать на диване больше не было сил, и оставаться дома то-

же. Тогда я поднимался с дивана и выходил из квартиры. На лестничной площадке было сумрачно, тепло, медленно летал какой-то пух. Дождь только что прошёл. В грязное окно было видно, как падали его последние капли. Я спускался со второго этажа к подъезду. Земля и асфальтовые дорожки перед домом были мокрыми. С крыши дома, с листьев деревьев, с высокой травы и цветов ещё капала вода. Но солнце быстро высушивало влагу, и уже через полчаса дождём и не пахло.

Я стоял около подъезда в нерешительности. Чем бы заняться? Иногда я брал свой мотоцикл и ехал на речку купаться. Я уезжал подальше, чтобы найти место, где бы никого не было. Но чаще всего, так и ничего не придумав, я спускался в подвал. Там я устроил себе уголок: выложил земляной пол кирпичами, поставил стол с лампой, несколько стульев. Стены подвала были уставлены стеллажами со старыми книгами. От остального хлама этот уголок я отгородил занавеской, так что получилось довольно уютно. Но прежде чем идти к себе, я сворачивал в тёмный коридор, проходил несколько поворотов и оказывался в подвале первого подъезда. Тут была площадка с небольшим окошком под самым потолком. Как раз под этим окошком я любил покурить. Когда-то здесь стоял теннисный стол, а в одном из пустующих подвалов было устроено нечто вроде притона: стояли две железные койки и стол. Здесь пили, курили, играли в карты,

приводили сюда и девушек. Сейчас этого ничего уже не было, и о былых временах напоминали только чёрные надписи на бетонных плитах потолка, сделанные при помощи горящих спичек.

Я, не торопясь, курил. Как поёт Виктор Цой: «Если есть в кармане пачка сигарет, значит всё не так уж и плохо на сегодняшний день». Только курсе на четвёртом я начал попытки бросить курить, и мне понадобилось лет пять, чтобы побороть эту привычку. Но тогда я об этом ещё не думал. Выкурив сигарету, я шёл к себе в подвал, включал лампу и что-нибудь читал или слушал магнитофон. Рядом был ещё один подвал, моего брата, Димана, где он вместе со своими друзьями ремонтировал мотоциклы. Но там собирались в основном зимой, так что сейчас в подвале дома я был один.

Скоро ко мне приходил Лёха Шихатов – ещё один мой друг. Санёк Городецкий к тому времени начал уже дружить, поэтому большую часть времени я проводил с Лёхой. Было уже поздно, мы что-нибудь выпивали и шли на дискотеку. Там наша компания увеличивалась. После дискотеки, если никаких других планов не было, мы всей толпой возвращались в мой подвал, продолжали пить, курили, играли в карты. Так что под конец оставалась только усталость. «Твоя ноша легка, но немеет рука, и ты встречаешь рассвет за игрой в дурака». Да, рука немела, это точно. Я говорил себе, что по-

ра заканчивать с такими вечерами, но наступал следующий день, и всё повторялось снова. А в конце каникул мы с Лёхой обязательно устраивали прощание с летом. Этот вечер отличался от других лишь тем, что мы его старались провести только вдвоём, и пили не водку, а шампанское или вино. Каникулы заканчивались. Лёха уезжал в Самару, а я в Оренбург.

Однако лето ещё некоторое время продолжалось. В сентябре стояла жара как в июле. Оренбург изнывал от зноя. В институте часто бывали одна-две пары, после которых только множество свободного времени. И это время мы проводили в основном на Урале. Обычно, я, Ермек и ещё один наш однокурсник, Григорий Бешенцев, покупали вино и шли в Зауральную рощу. Народу там было немного, но мы уходили ото всех, забирались в самую глушь, где никого не было, пили вино, прямо из горлышка, разговаривали. От вина начинало приятно шуметь в голове. Было нормально, тем более, что впереди нас ждала «навигация».

Допив вино, мы брали лодку часа на два и отправлялись в плаванье вверх по Уралу. Я грёб, Ермек сидел курил на корме, Григоря качало на носу. Часто возникало желание выпить ещё. Тогда мы причаливали к берегу, и Григорий бежал за пивом. Он быстро возвращался, и мы продолжали плаванье. У нас была цель: добраться до одного островка.

На берегу Урала то тут, то там виднелись компании отдыхающих людей. Многие купались. На воде болтались ещё разные суда: прогулочные катамараны, вёсельные лодки, моторки.

После поворота начинались мели, и течение усиливалось. Лодка то и дело цепляла дно, и как я ни грёб, мы, практически, оставались на месте. Иногда мы, засучив штаны, спрыгивали в воду и тянули лодку. Но до того островка мы редко когда добирались. Мы причаливали где-нибудь к берегу и пили пиво. Потом мы ложились на обратный курс. По течению лодка шла сама, я лишь немного подгребал вёслами, удерживая нужное направление. Пару раз мы даже попадали в шквал. Ветер усиливался и поднимал высокие волны с белыми гребешками. Лодку сильно качало, нас с ног до головы обдавало брызгами. Между тем смесь пива с вином давала о себе знать. Наконец, мы причаливали. Было уже три или четыре часа дня. В сентябре это уже вечер. Мы поднимались в город и разъезжались по квартирам. Я сразу же ложился и проваливался в тяжёлый сон. Благодаря такой неупорядоченной жизни к четвёртому курсу я окончательно подорвал своё здоровье. Я постоянно чувствовал какую-то нечистоту внутри себя. Уже тогда я пытался освободиться от этого ощущения, как-то очистится, навести порядок в своей голове. Но мне понадобилось ещё несколько лет, чтобы добиться на этом пути хоть каких-то результатов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.